

УДК 821.161.1-311.6

ТЕМА ВОЙНЫ В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ И. С. СОКОЛОВА-МИКИТОВА

Е. Н. Васильева

Тверской государственный университет
кафедра журналистики и новейшей русской литературы

В статье реализуется тезис о том, что тематика и проблематика творческого наследия И. С. Соколова-Микитова значительно шире и многообразнее, чем это было представлено в советском литературоведении. Одной из тем, не изученных в творческом наследии писателя, является тема войны. По мысли автора работы, именно лирический дар Соколова-Микитова с наибольшей полнотой высветил проблемы, обозначенные войной. В военных рассказах писателя формируется особая, свойственная Соколову-Микитову концепция войны и мира, концепция русского национального характера, формируется особый художественный стиль автора.

Ключевые слова: *русская ментальность, лирический дар, концепция войны и мира, дисбаланс, ассоциации.*

И. С. Соколов-Микитов был не согласен с тем, что библиографы называли его «путешественником, исходившим землю», «охотником». «Все это неверно и несправедливо» [3, с. 369], – писал он А. Т. Твардовскому в январе 1958 года. Сегодня очевидно, что тематика и проблематика творческого наследия известного писателя значительно шире и многообразнее, чем это было представлено в советском литературоведении. Одной из таких тем, ранее детально не рассматриваемых исследователями творчества писателя, является тема войны в прозе Соколова-Микитова.

Что такое война, обстановку войны Иван Сергеевич хорошо знал по первой мировой войне. Весной 1915 года он добровольцем записался на фронт. «Смерть, кровь, страдания, – пишет В. Чернышев, – все это молодой санитар познал сполна. Противоестественная бойня людей стала ненавистна ему на всю жизнь» [4, с. 14]. Впечатления армейской службы фронтовым санитаром, заведующим санитарным транспортом, мотористом на первом самолете «Илья Муромец» легли в основу ранних рассказов автора: «С носилками», «Здесь и там», «Салат», «Жуть», «Затишье перед бурей» «Кукушкины дети» и др. По мнению исследователей, Соколов-Микитов написал немного о войне потому, что «подобная тематика вызывала отторжение лирическим, «мягким» складом его литературного дарования» [4, с. 14]. Вместе с тем в этих рассказах отчетливо проявляется не только авторская позиция по отношению к войне, но и подмечены черты национального менталитета. Именно здесь обозначились черты художественного стиля, который в последующем будет определять

своеобразие прозы писателя. В этих ранних рассказах представлен взгляд на войну «изнутри», что сегодня и является наиболее ценным.

Герой-рассказчик многих военных рассказов, будучи санитаром, точно подмечает «премудрости» своей работы. Так, в рассказе «Вперед (От нашего военного корреспондента)» речь идет о трех условиях в бою. Если бой упорный, то раненные в атаках остаются между противниками под непрерывным обстрелом и к ним нельзя подойти ни днем, ни ночью. При отступлении и бегстве раненые не могут быть подобраны, и приходится их бросать, оставляя наступающему врагу. Автор подчеркивает, что санитарный отряд в таких случаях должен идти позади всех, чтобы оказывать нуждающимся необходимую помощь. Таким образом, долг медицинских служащих – спасти чужие жизни, не думая в этот момент о своей собственной безопасности. Квалифицированная помощь, по мнению рассказчика, может быть оказана лишь при наступлении, когда «можно и перевязку настоящую сделать, и покой раненого охранить» [3, с. 30]. Герою-рассказчику не раз приходилось смотреть смерти в глаза, а в глазах раненых видеть ужас.

Всем ходом повествования автор подчеркивает противоестественность войны, которая калечит не только тела, но и, в первую очередь, души людей. И самыми беззащитными и уязвимыми в это лихолетье оказываются дети: «Накрыла беда Россию, и узнали дети такое горе, о котором знает одна вот эта ночь!» [3, с. 18]. В рассказе «Жуть» автор рисует детей, которые остались сиротами. Отец погиб на фронте, а мать, пережив ужасы немецкой оккупации, умирает от занесенной инфекции. «Здесь они одни среди дымного серого поля, под гул пушек, под злой хохот злой непогоды... Что передумали и какие сказки рассказывает им эта жуть? А жутче и самой жуткой сказки их своя жизнь» [3, с. 17]. Когда в деревне оказались русские солдаты, то из-под кровати на них смотрели затравленные «не то страхом, не то голодом» «два близких глаза». Немного придя в себя, мальчик поведал о том, что с ними произошло: «Когда это рассказывал маленький Коля, – пишет автор-повествователь, – мне казалось, раскрывается черное остылое сердце земли – матери человеческого страдания, стыда и ужаса» [3, с. 18]. Метафоры («сердце земли») автору оказывается недостаточно. Эпитет *остылое* становится определяющим изобразительно-выразительным средством: *остылое* сердце значит мертвое, которое невосприимчиво к страданию, стыду и ужасу. Лаконичное, но емкое слово рассказчика как нельзя точно характеризует войну.

В рассказе «Кукушкины дети» речь идет еще об одной искалеченной детской жизни: «Васю подобрали в страдные дни отдыха: залетная пуля ударила его в ногу. Стал он калекой, с кривой ногой, а ему всего девять лет» [3, с. 24]. Залетная пуля, то есть случайная. Таким образом, случай предопределяет дальнейшую судьбу ребенка. Значимо и указание на возраст (всего девять лет), что подчеркивает ужас и трагедию происходящего. Диссонансом всеутверждающе звучит в конце рассказа «звонкий, как птичья песня, смех» [3, с. 25] ребенка. Несмотря ни на что, жизнь продолжается. Эту уверенность разделяет и автор.

В рассказе «Мышка» Соколов-Микитов обращается к проблеме, которая звучит не менее трагично, чем предыдущая: женщина и война. «Он

указал на худенького, бледного солдатика с Георгием на нескладно-грубой шинели. Не нужно было приглядываться, чтобы узнать в юном солдате женщину: выдавали глаза, губы – все, и особенная стыдливость» [3, с. 25]. Соколов-Микитов через скупые детали портрета и костюма подчеркивает, что женщины воюют наравне с мужчинами. Георгиевский крест – свидетельство мужества, отваги и стойкости, которые проявляет героиня рассказа. Но автор акцентирует внимание на другом: девушка устала от войны. Так она оказалась в санитарном отряде: «Через два дня Оля уже была настоящей сестрой, в сером платье, переднике и в белой косынке, а сама такая робкая, ну словно мышка» [3, с. 25]. Там, на передовой, она заслужила награды за мужскую отчаянность и отвагу. Здесь же преобладает женское начало, естественное и забытое, перечеркнутое войной.

Оля – москвичка, сирота и вынуждена жить с теткой. Однажды на вокзале она увидела, как на войну отправляют солдат, и «стало ей так, что больше жить она по-прежнему не может, не может оставаться в теплой, сытой Москве, когда люди идут страдать» [3, с. 26]. И далее автор продолжает: «И с этих пор ходила она сама не своя: хотела сама пострадать» [3, с. 26]. Мотив страдания / сострадания становится принципиально важным. Идти на фронт медицинской сестрой «ей казалось мало». По представлениям юной девушки, это барское дело. Так, с утра до вечера «толкалась она по вокзалам», подходила к солдатам, смотрела и однажды, «как птица, снялась, – взяли ее солдаты в теплушку и под шинелью привезли на войну, а там и приняли» [3, с. 26]. Отчетливо в рассказе видно авторское отношение к происходящему: «Отпробовала она досыта солдатской каши, всего наслышалась, всего насмотрелась. И не выдержала» [3, с. 26]. Рассказчика удивляет твердость и решимость, которые Оля проявила, самозабвенно помогая раненым. «А сама такая – в чем душа...» [3, с. 26]. Таким образом, сила духа русского солдата – вот что помогало, по мнению Соколова-Микитова, выстоять на передовой.

На страницах военных рассказов писатель не раз рассуждает о русской ментальности, акцентируя внимание на противоречивости русского человека. Так, в рассказе «Здесь и там» читаем: «Это русская черта, говорить бог знает что, но быть твердым на деле. Ведь каждый из нас способен тысячу раз отказываться на словах от дела, ругать дело и проклинать, но в то же время вести его до конца неуступчиво, несмотря на беды и несчастья. Такова русская натура» [3, с. 13].

Интересны наблюдения автора над тем, что война по-разному воспринимается на фронте и в тылу. С одной стороны, отмечает Соколов-Микитов, гордая вера в победу, терпеливая твердость, а с другой, ползучее сомнение, «позорное раскисляйство».

Люди, как русские, так и немцы, устали от войны. Эта мысль красной нитью проходит через все рассказы: «Австрияки говорят: ...уж очень война надоела» [3, с. 20] («Затишье перед бурей»). В «Крылатых словах» читаем: «Площадь перед костелом вся голубая от шинелей и курток – спят австрияки, измученные войной и дорогой» [3, с. 34]. Этот же мотив становится сюжетообразующим в рассказе «Кончал война!». «Кончал война! – крикнул он (пленный австриец) по-русски. – Кончал война! И столько было радости в его черных прыскучих глазах...» [3, с. 35].

Солдаты устали от тягот, лишений. Смерть выглядит противоестественной, пугающей в глазах молодых бойцов. Перед лицом смерти все оказываются равными: «В большой гористой деревне сошлись так близко, что перемешались. Никто не знал – где русские, а где австрийцы: за всяким углом смерть» [3, с. 33].

Соколов-Микитов пытается ответить на вопросы, во имя чего погибают люди и кому нужна эта война. И все больше утверждается в мысли, что рядовому солдату военные приказы чужды, русские и австрийцы не видят друг в друге врага: «От окопов шли два солдата – русский, раненный в руку, и немец, маленький, худой, в бескозырке с красным околышем и окровавленной на боку шинели. Он держался за русского, обняв его через шею, и что-то быстро говорил по-своему, размахивая свободной рукой. Наш отвечал и спокойно улыбался» [3, с. 11]. Более того, русский солдат готов поделиться последним, чтобы облегчить страдания другого. «Он (немец) сидел в сених, сгорбленный, жалкий, и всем улыбался. Из приотворенной двери перевязочной я наблюдал за ним. Какой-то солдат, лица которого я не мог увидеть, подошел к нему и, тихонько прячась, передал что-то и сейчас же отошел. В руках улыбающегося немца оказалась краюшка солдатского хлеба» [3, с. 12]. В этом отрывке автор акцентирует внимание на такой черте русского национального характера, как милосердие и сострадание. Вот, что оказывается в первую очередь важным в любые времена.

Соколов-Микитов в военных рассказах разделяет позицию М. Горького, что на войне каждый должен заниматься своим делом. В «Несвоевременных мыслях» М. Горький подчеркивал: «Мне странно видеть, что пролетариат в лице своего мыслящего и действующего органа «Совета Рабочих и Солдатских Депутатов» относится так равнодушно и безразлично к отсылке на фронт, на бойню, солдат - музыкантов, художников, артистов... Ведь, посылая на убой свои таланты, страна истощает сердце свое, народ отрывает от плоти своей лучшие куски... Подумайте, какая это нелепость, какая страшная насмешка над народом!..» [1, с. 30].

С этим полностью согласен и Соколов-Микитов. В рассказе «Салат» молодой офицер, «москвич-художник, юный, русый, глаза – небо, губы – кровь», с горечью и болью говорит: «Поглядели бы, что делалось! Одних художников, поэтов – целый полк, первыми пошли и... легли. Ах, там этих безымянных, святых могил – сотни. Говорят, что немцы своих ученых, поэтов на войну не пускают, берегут для «будущей Германии» [3, с. 32].

В рассказе «Поэт и серый кот» рассказчик познакомился с «подлинным, несомненным поэтом». «Очень молодой прапорщик, конфузливый, как девушка, с прекрасными голубыми глазами и легкой, пушистой бородкой» [3, с. 42]. Стихи он «записывал» в книжку с красным цветком на переплете. Но когда однажды рассказчик туда заглянул, то увидел только названия стихотворений и чистые листы. Молодой поэт открывал нужное и читал по белой странице. «Его стихи пелись вольно, выливаясь из печальной души, на свободе, без затейливой стихотворной науки» [3, с. 42].

И в рассказе «Шепот цветов» Соколов-Микитов опровергает тезис: «Когда гремят пушки – музы молчат». Несмотря ни на что, а вернее, вопреки всему, творческое начало живо в человеке и помогает ему выжить: «Вот и

поймите человека! – смеялся доктор, указывая на докрасна смутившегося композитора. – Кругом пушки гремят, а он вальс «Шепот цветов» сочиняет. Эх, чудачки!» [3, с. 44].

К таким чудачкам можно отнести и самого Соколова-Микитова. Именно в годы первой мировой войны писатель посмотрел на мир иными глазами, глазами художника. Перед читателем открываются нерадостные картины: «Словно огромной, до неба, бороной проскребло деревню. Сорванные крыши с торчащими из провалов сломанными ребрами, взрытый луг перед часовой, поломанные деревья и везде раскиданные доски, куски дроби, кирпич и раскрошенное стекло» [3, с. 43]. Уже здесь писатель находит оригинальные сравнения, чтобы подчеркнуть весь ужас и дисгармонию войны, которая нарушает привычный, естественный ход жизни: «...Прошлась по лесам и болотам железная война, лес перекопан вдоль и поперек, деревья, обглоданные лошадьми, макушки посшибаны, а в одной раскороченной березе до сих пор торчит неразорвавшийся снаряд» [3, с. 19]. Восстановить этот дисбаланс, по мнению писателя, по силам лишь самой природе. Уже в этих ранних рассказах Соколов-Микитов проявил себя как мастер создания лаконичных, но емких пейзажных зарисовок. Что интересно, часто пейзаж разворачивается перед глазами читателя с высоты птичьего полета. И это не вымысел, не творческая фантазия автора. Дело в том, что в годы войны Соколов-Микитов служил на первых русских бомбардировщиках «Илья Муромец», и «окопы и зигзаговые ходы сообщений представляются с высоты как узор на зеленом бархате» [3, с. 24].

Долгие годы Соколов-Микитов не возвращался к военной тематике. Но, оказавшись в 1942 году в глубоком тылу, он обратился с просьбой командировать его за линию фронта для сбора материалов будущей книги о партизанах. Его не могло оставить равнодушным проявление патриотизма в тылу врага. Разрешения на командировку писатель так и не получил. В. Чернышев высказал предположение, что органы НКВД насторожил тот факт, что в 1921-1922 годах Соколов-Микитов жил в Англии и Германии, где оказался в вынужденной эмиграции.

В мае 2005 года в газете «Российский писатель» были опубликованы три небольших рассказа Соколова-Микитова, повествующих о событиях Великой Отечественной войны. В. Чернышев во вступительной статье справедливо подчеркивает, что «Соколов-Микитов не был выдумщиком-сочинителем и что все его произведения (кроме сказок, разумеется) имеют реальную основу» [4, с. 14], и предполагает, что рассказы были записаны со слов фронтовиков, оказавшихся за Уралом на лечении или в отпуске. Данные рассказы («Крестик», «Собачонка», «Табачок») не были включены ни в одну из книг автора. В них писателя интересуют не столько собственно военные действия, сколько проявление в сложных обстоятельствах личных качеств солдата. Не случайно поэтому, на наш взгляд, выбрана автором форма повествования от лица рассказчика (майора, солдата Сидорова).

В рассказе «Крестик» речь идет о том, что в дивизионе служил «один паренек, младший сержант Перушкин, отличный боец. Много раз его представляли к награде» [2, с. 14]. Однажды в бане сослуживцы увидели у него на шее крестик и стали смеяться над ним. Мы знаем, что подобное

расценивалось как пережиток прошлого и дискредитировало комсомольца в лице окружающих: «Затужил паренек. Ходит злобный, повесивши нос... на товарищей огрызается, смотрит, как волк». В рассказе автор рисует фигуру молодого командира, который в бою увидел прежде всего человека. Узнав об истории этого крестика, командир помог разобраться в себе солдату и разъяснить взводу истинные ценности, которые не подвластны времени. Крестик этот дала на прощание мать. «Одна мать родной землицы в платочек завяжет, другая записочку в рубаху зашьет. Вот младшему сержанту Перушкину старуха-мать на память о своей материнской любви подарила этот крестик – то, что ей самой дороже всего» [2, с. 15]. Обращаясь к своим подчиненным, командир делает обобщение, которое разделяет и сам автор: «А матери наши – наша любовь, наша родная земля, наша родина, которую мы защищаем». Так один случай из панорамы военных событий меняет отношение солдат к происходящему, а «Перушкин опять стал лучшим и самым храбрым солдатом» [2, с. 14].

Человеческая жизнь определяется не только отношением людей друг к другу, но и отношением человека к животным. Рассказ «Собачонка», написанный в годы Великой Отечественной войны, тесно перекликается с рассказом «Поэт и серый кот» (о первой мировой войне), что свидетельствует о твердости позиции автора. В обоих произведениях кроется глубокий смысл. Даже на войне люди не ожесточились, они способны в обездоленном животном увидеть существо, нуждающееся в их внимании и заботе. Именно такую ситуацию наблюдает читатель в рассказе «Собачонка». Майор, остановившись на постой в чужом доме, обнаружил «малюсенькую собачонку японской породы» и так привязался к ней, что из-за нее «чуть голову не сложил». Ни о чем не жалеет офицер. «Самое главное, сами целы и собачонка моя невредима» [2, с. 18].

По мысли Соколова-Микитова, главное на войне – при любых обстоятельствах оставаться человеком. Поэтому при обращении к военной тематике автору важно показать внутренний мир солдата, понять его мысли и переживания. В военных рассказах нет батальных сцен, натуралистических подробностей трагедии. На наш взгляд, именно лирический дар Соколова-Микитова с наибольшей полнотой высветил проблемы, обозначенные войной. В военных рассказах писателя формируется особая, свойственная Соколову-Микитову концепция войны и мира, концепция русского национального характера, формируется особый художественный стиль.

Список литературы

1. Горький, А. М. Несвоевременные мысли. Рассказы [Текст] / А. М. Горький. – М. : Современник, 1991. – 128 с.
2. Соколов-Микитов, И. С. Крестик [Текст] / И. С. Соколов-Микитов // Российский писатель. – 2005. – № 9 (108). – С. 14.
3. Соколов-Микитов, И. С. Собрание сочинений [Текст] : в 4 т. / И. С. Соколов-Микитов. – Л. : Художественная литература, 1987. – Т. 4. Рассказы. Сказки. Статьи. – 448 с.
4. Чернышев, В. Три неизвестных рассказа И. Соколова-Микитова [Текст] / В. Чернышев // Российский писатель. – 2005. – № 9 (108). – С. 14.

THE THEME OF WAR IN THE ARTISTIC HERITAGE I. SOKOLOV-MIKITOV

E. N. Vasilieva

Tver State University

The Department of Journalism and Modern Russian literature

The paper realized the idea that the topics and issues of the creative heritage of I. Sokolov-Mikitov much broader and more diverse than it was presented in the Soviet literary criticism. One of the topics which is not studied in the artistic heritage of the writer, is the theme of war. In the opinion of the author, it is lyrical gift Sokolov-Mikitov most fully revealed the problems identified by the war. The military story writer formed a special, peculiar Sokolov-Mikitov conception of war and peace, the conception of Russian national character, formed a special artistic style of the author.

Key words: *Russian mentality, lyrical gift, the concept of war and peace, the imbalance of the association.*

Об авторах:

ВАСИЛЬЕВА Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и новейшей русской литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, д. 33), e-mail: vasilieva-elnik@yandex.ru